

Область народного творчества и дониндѣ для насъ «земля невѣдомая». Первая его развѣдка въ эту страну — плодотворна и своевременна.

К. Мочульскій.

А. Л. Бемъ. У истоковъ творчества Достоевскаго. Сборникъ статей, III. Прага, 1936.

Въ этомъ сборникѣ авторъ объединилъ статьи, опубликованныя раньше имъ отдѣльно, переработавъ и дополнивъ ихъ. Основная тема: вопросъ о вліяніи на Достоевскаго Пушкина, Гоголя, а также Грибоѣдова. Два этюда посвящены вопросу объ отношеніи Достоевскаго къ Толстому. Для установленія степени и характера вліянія на Достоевскаго его предшественниковъ, авторъ пользуется методомъ, который я называю методомъ сличенія и изслѣдованія «родимыхъ пятенъ». А. Л. Бемъ сознаетъ, сколь осторожно надо пользоваться методомъ подобныхъ сличеній и неоднократно оговаривается, что иныя схожія между собою мѣста у различныхъ авторовъ могутъ объясняться простымъ совпадениемъ. Однако, матеріалъ, надъ которымъ онъ работаетъ, такого рода, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ никакихъ сомнѣній относительно зависимости Достоевскаго отъ названныхъ писателей не остается: слишкомъ ужъ много этихъ «родимыхъ пятенъ» и слишкомъ ужъ они специфичны. Къ тому-же самъ Достоевскій неоднократно заявлялъ, какъ велико было это испытанное имъ вліяніе (Пушкина и Гоголя). Фактъ его зависимости отъ нихъ, а также много изъ того, что было имъ заимствовано, — все это установлено было уже давно, какъ это отмѣчаетъ А. Л. Бемъ. Но имъ сдѣланы и рядъ новыхъ сопоставленій — причемъ показательно, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ онъ указываетъ, были сдѣланы другими новейшими изслѣдователями независимо отъ него: лишнее доказательство ихъ очевидности. Что касается вліянія на творчество Достоевскаго «Горя отъ ума», то на него, если не ошибюсь, пролить свѣтъ авторомъ впервые. Но и тамъ, гдѣ онъ продолжаетъ работу, начатую другими, онъ даетъ немало новаго. Не ограничиваясь отдѣльными сопоставлениями, онъ ставитъ своей задачей прослѣдить, какъ образы Гоголя, Пушкина (Германъ), Грибоѣдова (Чацкий) органически росли въ сознаніи Достоевскаго, какъ ремниспеции произведеній названныхъ писателей всплывали въ различныхъ его твореніяхъ, и это является для него исходной точкой для выясненія развитія творчества Достоевскаго, для восстановленія, такъ сказать, генеалогіи его персонажей. Въ этомъ отличіе работы Бема отъ работъ ряда другихъ новейшихъ изслѣдователей, такъ наз. «формалистовъ», которыхъ интересуетъ почти исключительно проблема генезиса стиля Достоевскаго, его внѣшнихъ пріемовъ. Въ общемъ, заимствования Достоевскаго сводятся, какъ это установлено авторомъ, къ двумъ категоріямъ: наѣрничная (изъ Гоголевскаго «Носа» для «Двойника», напр.), гдѣ онъ, какъ-бы пародируя свой образецъ, либо полемизируетъ съ нимъ, либо выноситъ свой моральный приговоръ его «герою» (такъ, путемъ

формального анализа, Бемъ показываетъ, что Федоръ Павловичъ Карамазовъ — своего рода сниженный, опошленный и тѣмъ самымъ «разоблаченный» Скупой Рыцарь) и бессознательныя, мелкія черточки, иной разъ попадающіяся въ качества едва-ли не обмолвки, — свидѣтельствующія о томъ, какъ сосредоточена была мысль Достоевскаго на проблемахъ, выдвинутыхъ въ формѣ художественныхъ символовъ Пушкинымъ и Гоголемъ, проблемахъ, имъ впервые въ этихъ символахъ увидѣнныхъ въ процессѣ творческаго усвоенія, т. е., въ сущности, ихъ переосмысленія. Въ первой статьѣ объ отношеніи Достоевскаго къ Толстому огмѣчу приводимое авторомъ (изъ Дневника Писателя) толкованіе эпитафіа къ «Аннѣ Карениной», какъ отрицанія права человѣческаго суда, а не какъ приговора надъ Анной. А. Л. Бемъ называетъ это толкованіе «своеобразнымъ», отличнымъ отъ общепринятаго. Напомню, что, какъ это установлено въ настоящее время (Эйхенбаумомъ), такъ же понималъ библейскій текстъ и самъ Толстой. Въ названной сейчасъ статьѣ А. Бема одно мѣсто вызываетъ на возраженіе. «Достоевскій, пишетъ авторъ (стр. 185), очень тонко отмѣчаетъ въ своей статьѣ (въ Дневн. Пис. объ «Аннѣ Карениной»), какъ у Толстого тенденція временами нарушаетъ цѣльность художественнаго образа. Къ такимъ неудачнымъ художественнымъ образамъ, заранее связаннымъ съ несеніемъ извѣстной внѣхудожественной функціи, Достоевскій относитъ стараго князя». Изъ слѣдующей за этимъ цитаты изъ Достоевскаго выясняется, что старій князь вызвалъ въ немъ раздраженіе тѣмъ, что, отрекомендованный Толстымъ, какъ добрый и умный человѣкъ, оказался «отрицателемъ русскаго народа, поскольку онъ не признавалъ, что русскій мужикъ охваченъ «славянскою идеей». Нужно-ли доказывать, что въ тенденціозности и фальши повиненъ здѣсь самъ Достоевскій, а не Толстой? И пусть въ данномъ случаѣ устами стараго князя говорить — это не подлежитъ сомнѣнію — самъ Толстой: слѣдуетъ-ли изъ этого, что тѣмъ самымъ нарушена «цѣльность» образа его, какъ находитъ авторъ? Какъ тогда объяснить, что мы воспринимаемъ этого князя, — какъ и всѣхъ безъ исключенія персонажей «Анны Карениной», — какъ живого человѣка? Для насъ то, что онъ говоритъ то-же самое, что хотѣлъ сказать Толстой, означаетъ только то, что Толстой съ нимъ согласенъ, или — что онъ согласенъ съ Толстымъ. Если бы Толстой смотрѣлъ на своихъ персонажей со стороны, — тогда другое дѣло. Но Толстой живетъ среди людей «Войны и Мира» и «Анны Карениной» и заставляетъ насъ жить съ ними. О какихъ-либо художественныхъ «неудачкахъ» не можетъ быть тогда, слѣдовательно, и рѣчи.

П. Бицилли.